УДК 94 (495).01 + 82 (193).2

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-9-20

Единство Римской империи в IV–V веках и механизмы его обеспечения

Т. Л. Александрова

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматривается вопрос о том, как понималось единство Римской империи в IV–V вв. и какие механизмы его обеспечивали. Проследив исторические перипетии наследования власти, автор приходит к выводу, что единство империи в этот период обеспечивалось, прежде всего, христианской идеологией, а механизмы его обеспечения оставались теми же, какие были приняты при Диоклетиане: административное деление для облегчения управлением, сосредоточение власти в руках одной семьи, для чего широко использовались передача власти от старшего правителя к младшему и династические браки; военная взаимопомощь правителей. При этом можно видеть, что 395 г., традиционно считающийся годом разделения империи на Восточную и Западную, фактически не принес ничего нового: идея единства сохранялась и в V в., и порядок наследования оставался прежним, хотя порой нарушался действиями узурпаторов.

Ключевые слова

Римская империя, единство, династический брак, христианство, узурпация, поздняя античность

Для цитирования

Александрова Т. Л. Единство Римской империи в IV–V веках и механизмы его обеспечения // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-9-20

Unity of the Roman Empire in the 4th – 5th Centuries and Mechanisms of its Procurement

T. L. Aleksandrova

*St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article explores the question of how the unity of the Roman Empire was construed in the 4th – 5th centuries and what mechanisms ensured its sustainability. By tracing the historical changes of succession, it is evident that Imperial Unity during this period was ensured primarily by Christian ideology and mechanisms for its implementation were the same as those adopted under Diocletian. Although considered as a single realm, the Empire, for the most part of the 4th century was under the control of several emperors, who, if not connected by kinship, would seek to secure their union through dynastic marriages. As power was not inherited by women, the man who married a woman of the royal family, could most likely inherit the throne, but for legitimacy reasons it was necessary for him to be approved by the senior ruler (hence the ordination of Valentinian III by Theodosius II). The year 395, traditionally regarded as the year of the Division of the Empire into Eastern and Western parts, did not bring anything new: the concept of unity and the order of

© Т. Л. Александрова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 1: History

succession remained the same, occasionally disturbed by the actions of usurpers. Rulers can be considered even those who came to power, albeit with the aid of a dynastic marriage, but without the approval of the senior ruler (for example, Marcian, married to Pulcheria, but not approved by Valentinian III). In such cases, emperors sought to legitimize their power by relying on the Church which subsequently allowed to avoid the unpleasantness of being branded a usurper. Ignoring the actual usurpations led to the concept of the divided Empire. Meanwhile, despite the ongoing alienation of the West and the East, the idea of unity of Christendom was not disturbed by such cases; the status of a unified empire was seen as desirable, so the senior Emperor (usually of the East which in that era was more stable) could appoint emperors in the West (as he so did, for example, Leo I). The concept of continuing unity also guided Justinian in his attempt toward restoration.

Keywords

Roman Empire, unity, dynastic marriage, Christianity, usurpation, Late Antiquity

For citation

Aleksandrova T. L. Unity of the Roman Empire in the 4th – 5th Centuries and Mechanisms of its Procurement. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-9-20

«*Pax Romana* создал не Август, а Христос», – писал протопресв. Иоанн Мейендорф [2012. С. 46–47]. Действительно, идея универсализма и провиденциализма была присуща древнему христианству, отражая осознание христианами исторического процесса: языческий Рим дал миру единый закон, подготовив его тем самым к принятию Христа. «Христианские писатели – как до, так и после Константина – считали римский универсализм провиденциальным историческим фактом: несмотря на преследования, благодаря ему стало возможным распространять евангельское благовестие по “вселенной”» [Там же. С. 33]. За пределами этой христианской ойкумены оставались Парфия, Индия, Китай, области крайнего Севера и Юга. Существовало также представление о том, что Римская империя лежит в самом центре мира (это можно видеть, в частности, на карте Агриппы), что подчеркивает ведущую роль христианства в истории.

Идея единства империи, с одной стороны, отражала идею единства Церкви, которая была настолько важна, что оказалась включена в никео-цареградский символ веры, став его 9-м членом. Церковь – это единое Тело Христово, в которой Он является главой. С другой стороны, христианский универсализм был продолжением римской философии истории, воплощенной Вергилием в «Энеиде»: Эней спасается из разрушенной Трои потому, что ему предопределено построить Рим, который воцарится над народами [Dihle, 1989. S. 44–45]. «Надо отдавать себе отчет, что эти претензии на роль города (*urbs*), правящего миром (*orbis terrarum*), отнюдь не были абсурдными, – пишет современный исследователь. – На картах этого периода <...> Римская империя занимает около половины известного тогда мира» [Inglebert, 2012. P. 8].

«Можно выделить три фазы римского имперского самоопределения в самых широких терминах – как “этическую”, “законодательную” и “административную”» [Potter, 2010. P. 15]. Первая, по мнению Д. Поттера, началась в IV в. до н. э. и продолжалась до II в. до н. э., вторая – от II в. до н. э. до конца III в. н. э., и последняя – начиная с конца III – начала IV в., и до условного «падения Римской империи». Таким образом, «административная» фаза начинается с Диоклетиана. Эпоха «солдатских императоров» обнажила сложности в управлении разросшейся империей, которая подвергалась нападениям внешних врагов (сасанидской Персии с юго-востока, готов с северо-востока, франков и германцев с северо-запада) и в которой то и дело давали о себе знать центробежные, сепаратистские тенденции. Эту проблему Диоклетиан разрешил административно, найдя способ, как, не нарушив принципа имперской

целостности, облегчить управление огромным государством: он разделил империю на тетрархии, в которые были поставлены правители: августы и цезари. По закону преемство обеспечивалось переходом власти от старшего правителя к младшему. Нового правителя, как цезаря, так и августа, должен был поставить старший август [Burgess, 1993–1994. Р. 65; McEvoy, 2013. Р. 6]. Соблюдение последовательности старшинства сохраняется на несколько последующих веков и легко прослеживается по тому, как подписываются законы: первым называется имя старшего августа, затем одного, а то и двух младших. С изменением политической ситуации прежний младший правитель становится старшим и упоминается первым.

Кроме того, Диоклетиан связал правителей-тетрархов между собой узами родства. Последний способ был не нов и широко использовался в Риме уже во времена Поздней республики [Münzer, 1920. S. 283–327]. «Характерной чертой политической жизни Древнего Рима эпохи Поздней республики было использование династических браков для реализации политических целей» [Горбулич, 2006. С. 287]. Один из самых известных примеров – женитьба Помпея на дочери Цезаря Юлии, после смерти которой оба политика вступили в междоусобную войну.

Надо отметить, что династический принцип в Римской империи соблюдался далеко не всегда. В III–IV вв. более значима была связь императора с армией, поддержка войск. Впоследствии в ромейской империи императора должен был принять и утвердить народ [Kaldellis, 2015. Р. 32–62]. Тем не менее переход власти от отца к сыну, а также по женской линии, от отца – через дочь – к зятю или внуку, был наиболее простым и безотказно обеспечивал легитимность правления, поэтому к нему нередко прибегали в спорных случаях.

В тетрархии Диоклетиана обращает на себя внимание последовательность использования династического принципа. Вероятно, здесь играло роль представление о божественности царской власти, поэтому принадлежность к семье «богов» давало преемникам преимущественные права [McEvoy, 2013. Р. 27].

Династические браки связывают тетрархов тесными узами. Сам Диоклетиан выдает свою дочь Валерию за Галерия, который становится цезарем в 293 г., а их дочь Валерия Максимилла становится женой Максенция, сына тетрарха Максимиана Геркулия. Отец Константина Констанций Хлор, расставшись с Еленой, которая, возможно, и не была его законной супругой, женится на племяннице Максимиана Геркулия Феодоре. Сын Констанция Константин Великий впоследствии женится на дочери того же Максимиана Фавсте. Лициний женится на Констанции, дочери Констанция Хлора и Феодоры [Jones, Martindale, 1971. Р. 1128]. Тем не менее, как мы знаем, династические браки не уберегли тетрархов и их потенциальных преемников от вражды: так, Константин воюет со своим шурином Максенцием и с Лицинием, женатым на его единокровной сестре.

После почти двух десятилетий упорной борьбы в 324 г. Константин наконец объединяет империю под своим началом. Цели объединения сложит и созыв в 325 г. первого Вселенского собора в Никее; причем сам император призывает стороны примириться, считая несущественными разногласия между Афанасием и Арием (Socr. Hist. eccl. 1, 7).

В константиновскую эпоху теория христианской монархии была разработана Евсевием Кесарийским. Его идеальный правитель, воплощением которого является Константин, представляет собой земную проекцию единого Бога. Константин заботится и о единстве Церкви, первым созвав Вселенский собор. В дальнейшем, поддержание единства церкви вменялось христианским императорам в обязанность. Оно выражалось также в созыве Вселенских соборов, а кроме того – в издании указов против еретиков, иудеев и язычников, в покровительстве церквям и клиру [McEvoy, 2013. Р. 117]. «Единство вселенскость и порядок – основные элементы Pax romana – теперь стали неотделимы от интересов и ответственности вселенской христианской церкви. Римский император уже не мог заботиться об империи, не заботясь так-

же о единстве, вселенском характере и добропорядке церкви: разделенная церковь означала бы и разделенную империю» [Мейендорф, 2012. С. 49]. Итак, в религиозной сфере это ощущение единства империи было наиболее остро и актуально.

В политической сфере единство выражалось в избрании консулов (один из которых, как правило, представлял Восток, другой – Запад), в едином языке законодательства – латыни, в однотипности законодательных формулировок (несмотря на то, что в IV – начале V в., до появления Кодекса Феодосия, единого свода христианских законов еще не существует, и законы, издающиеся на Востоке и на Западе, идентичны).

Между тем уже и во времена Константина в империи оставалось административное деление, утвержденное Диоклетианом. «Большую часть жизни Константина империя не была объединенным или единым государством; ошибочно видеть жесткий контраст между объединенной империей IV в. и разделенной империей V в. Между 285 и 395 гг. периоды, когда слово одного императора держало всю империю, в совокупности не составляют и 16 лет» [Barnes, 2014. P. 142].

В экономической жизни части империи уже не так тесно связаны, как до кризиса III в.; греческий язык на Западе постепенно выходит из употребления (о чем свидетельствуют многочисленные переводы с греческого на латынь в IV в.). На более глубоких уровнях, нежели просто политический, таких, как культура, язык, *mentalités* и религия, разница между Востоком и Западом была резче и глубже [Ibid.]. По поводу глубинных расхождений в религии на основании вышесказанного с Т. Барнсом можно и не согласиться: напротив, единство веры было основой единства империи, – но вместе с тем, очевидно, что те, кто по той или иной причине желал разделения, могли целенаправленно заострять даже несущественные религиозные расхождения, нередко проистекающие из разницы обычаев, языка, менталитета. Основной причиной религиозных споров в IV–V вв. была борьба за первенство между епископскими кафедрами Рима, Александрии, Константинополя и Антиохии.

На протяжении IV–VI вв. можно наблюдать, что как в политической, так и религиозной сфере попеременно действуют то центростремительные, то центробежные силы, однако при всех вполне реальных расхождениях абстрактное представление о единой христианской ойкумене остается неизменным.

После смерти Константина империя оказывается административно разделена между его детьми: Констанций становится правителем на Востоке, Константин (незаконнорожденный) и Констант (еще подросток) – на Западе. Сократ сообщает, что Константин разделил империю между сыновьями так же, как она была разделена при его жизни (Socr. Hist. eccl. 1, 39). Существует мнение, что Константин намеревался учредить новую тетрархию, поставив во главе административных делений своих сыновей. Однако легитимность наследования была не безусловной, поскольку сыновья Константина при его жизни получили только титул цезарей, августами же назначены не были [McEvoy, 2013. P. 6]. Возможно, с этим связано и истребление мужчин из рода Константина, из которых остались в живых только малолетние Галл и Юлиан.

Не только династические браки, но и другое агнатическое родство не спасало претендентов на престол от борьбы за власть (пример – война, начавшаяся между Константином и Константом), тем не менее, браки продолжают заключаться. Сами по себе женщины престол не наследовали, но мужчине женитьба на женщине царского рода давала почти гарантированное право на власть, поэтому претенденты широко этим пользовались.

В политическом и религиозном отношении империя по-прежнему позиционируется и воспринимается как единое государство. Императоры Востока и Запада оказывают друг другу военную помощь, защищая легитимных правителей от посягательств узурпаторов и препят-

ствуя распаду государства. При этом правители мобильны и свободно перемещаются между частями империи. Так, в 350 г. Констанций отправляется в военный поход на Запад против узурпатора Магненция, а в 355 г., назначив Юлиана цезарем, он отправляет его в Галлию, которую тревожили набеги варваров.

Для обеспечения легитимности наследования по-прежнему широко используются династические браки. Оставшись единственным правителем, не имеющий сыновей Констанций пытается продолжить династию через уцелевших родственников, своих двоюродных братьев Галла и Юлиана, которые женятся на его родных сестрах: Галл – на Константине, Юлиан – на Елене [Jones, Martindale, 1971. P. 1129]. Однако оба брака оказываются бездетными и династия Констанция Хлора, таким образом, заканчивает свое существование.

После гибели Юлиана, в остро-кризисный момент войска избирают новым императором трибуна Иовиана. Тот, желая начать новую династию, возводит в должность консула своего сына Варрониана. Однако внезапная смерть Иовиана рушит эти планы. Малолетний Варрониан не удерживается на престоле; потенциальная возможность его воцарения лишь создает угрозу для его жизни [Ibid. P. 946].

Следующая династия начинается с Валентиниана I. Избранный императором в 364 г., он берет в соправители младшего брата Валента, которого оставляет в Константинополе, себе же избирает Рим [Ibid. P. 934]. В имперской пропаганде отношения Валентиниана и Валента представляются как отношения старшего и младшего [McEvoy, 2013. P. 72].

В 367 г., во время тяжелой болезни, Валентиниан провозглашает августом своего восьмилетнего сына Грациана. В течение восьми лет Грациан правит вместе с отцом и наследует престол после его смерти в 375 г. Кроме него остается сын от второго брака Валентиниана I, четырехлетний Валентиниан II, который также провозглашается августом. Причины провозглашения августом Валентиниана II и дальнейшие виды на его карьеру до конца не понятны, но сам этот факт свидетельствует о некоем кризисе и о непрочности позиции Грациана [McLynn, 1994. P. 84; McEvoy, 2013. P. 59, 70]. Возможно, этой непрочностью обусловлена попытка Грациана через женскую линию присоединиться к роду Константина: первым браком он женится на Констанции, дочери императора Констанция, родившейся после его смерти, но она умирает, не дав ему детей [Jones, Martindale, 1971. P. 221].

Довольно напряженными в этот период остаются отношения Грациана и Валента, который теперь оказывается старшим по отношению к племянникам. Эта напряженность ведет к обособлению двух частей империи. Об обособленности свидетельствует и различие в доктринальной политике (Валент поддерживает ариан, Грациан – никейцев, хотя последний, подобно своему отцу, Валентиниану I, в значительной мере дистанцируется от церковных проблем) [McLynn, 1994. P. 80–81; McEvoy, 2013. P. 80.].

Когда Восток оказывается под угрозой со стороны готов, Валент обращается к Грациану за помощью, но тот медлит, по-видимому, не считая кризис на Востоке опасным для Запада. В итоге помощь его приходит слишком поздно [McEvoy, 2013. P. 73–74].

После гибели императора Валента 9 августа 378 г. в битве при Адрианополе константинопольский трон освобождается, и вскоре его занимает Феодосий I. Механизмы его возвышения до конца не понятны: предполагают как добровольное согласие Грациана под влиянием дворцовых партий, так и узурпацию власти самим Феодосием [McLynn, 1994. P. 91; McEvoy, 2013. P. 77–78.]. Непонятны и причины казни его отца, старшего Феодосия в 475 г., но высказываются мнения, что она могла быть связана с кризисом, наступившим после смерти Валентиниана I [McEvoy, 2013. P. 57].

Феодосий активно поддерживает «никейскую веру» и делает ее обязательной для всех подданных. Он руководствуется советами богословов и ведет себя как образцовый защитник веры:

созывает Вселенский собор, издает многочисленные законы, направленные на защиту христиан, за что и сам пользуется безоговорочной поддержкой церкви (так, его восхваляют Григорий Нисский и Амвросий Медиоланский). По словам М. МакЭвой, если Феодосий узурпировал власть, то эта поддержка церкви была ему особенно необходима [McEvoy, 2013. P. 81].

Как бы то ни было, очевидна заинтересованность Феодосия в распространении ортодоксального «никейского» христианства на всю территорию Римской империи и в подавлении центробежных тенденций. Эти тенденции реализовывались узурпаторами, первым из которых был Магн Максим, в 383 г. убивший Грациана и угрожавший лишить власти малолетнего Валентиниана II. Максим, которого нередко изображают язычником, на самом деле готов был оказывать поддержку никейцам в противовес арианским симпатиям окружения Валентиниана II [Ibid. P. 86–88]. Тем не менее Феодосий поддержал законного императора.

В 386 г. умерла жена Феодосия, Флакцилла, и в 387 г. он женился на сестре Валентиниана II Галле. Это также был династический брак, привязывавший Феодосия к роду Валентиниана I. Условием женитьбы была ликвидация узурпатора Магна Максима. От Галлы у Феодосия родилась дочь Галла Плацидия [Jones, Martindale, 1971. P. 382].

Феодосий, по-видимому, изначально был заинтересован и в утверждении собственной династии. Старший его сын, Аркадий, родился в 377 г., а младший, Гонорий, в 384-м. В пятилетнем возрасте Аркадий был провозглашен августом (без санкции на то Грациана). Пятилетний Гонорий сопровождает отца в походе на Запад. Уже в 389 г. Гонория провозглашают цезарем, т. е. отец видит его в будущем правителем империи. В 393 г. Гонорий получает титул августа [McEvoy, 2013. P. 137–138].

По-видимому, административно Феодосий I также намеревался учредить нечто вроде тетрархии, в которой видел себя старшим августом, а сыновей и Валентиниана II – подчиненными, причем по статусу Валентиниан оказывался ниже его сыновей [Ibid. P. 95].

Сам Феодосий приставил к Валентиниану II франкского полководца Арбогаста, однако вероятно, что ситуация в какой-то момент вышла из-под контроля Феодосия [Cameron, 2011. P. 57–58; McLynn, 1994. P. 296]. О причинах гибели Валентиниана II существуют разные точки зрения: это могло быть убийство или самоубийство. Впоследствии Феодосий подавляет мятеж и смещает поставленного Арбогастом узурпатора Евгения. Вслед за этим он активно утверждает «никейскую веру» на Западе, издавая целый ряд жестко-репрессивных законов, направленных против язычников, еретиков и отчасти иудеев.

Усмирив мятеж на Западе, Феодосий вызывает к себе младших детей, Гонория и Галлу Плацидию. 10-летнего Гонория он провозглашает императором, назначив его опекуном полководца Стилихона. Присутствие на Западе малолетней Галлы Плации тоже оказывается продуманным политическим ходом: по материнской линии она принадлежит к династии Валентиниана I, а потому должна восприниматься как законная наследница, косвенно легитимизирующая и Гонория.

18 января 395 г. Феодосий I скоропостижно скончался в Медиолане, причем тело его было перевезено в Константинополь [McEvoy, 2013. P. 140–142].

Хотя традиционно считается, что Феодосий I разделил империю между сыновьями, в сущности, он никак не изменил ее статуса, поскольку административное деление существовало задолго до него. Напротив, можно даже сказать, что Феодосий I вновь объединил империю в общей «никейской» вере и под властью одной семьи. Опыт его правления показал, что нестабильность власти на Западе открывает путь узурпаторам. Ставя правителем Западного сына Гонория (с сильным опекуном в лице Стилихона), он предотвращал возможность новых попыток узурпации. Примечательно, что, хотя Аркадий был старше Гонория, по статусу они были равны [Ibid. P. 138–139].

После смерти Феодосия начинается некоторое разобщение, но оно во многом связано с юным возрастом его детей и притязаниями опекуна Гонория, Стилихона, на контроль над обоими сыновьями Феодосия [McLynn, 1994. Р. 355], а следовательно, на власть во всей империи, о чем сообщает Зосим (Zos. Hist. nov. 5, 4, 3). Тем не менее абсолютизировать это разделение нельзя. «Точка зрения, согласно которой период 395–410 г. при сыновьях Феодосия I стал критическим в разделении между Востоком и Западом, некогда была популярна среди историков Рима. Двум царствам приписывалась “враждебная индифферентность”, и в восточных антиварварских режимах, возглавляемых Аврелианом и Анфемием в Константинополе, виделась основная причина в разрыве отношений с Западом и режимом Стилихона. Между тем, несомненно, что “разделению” империи в 395 г. придавалось слишком большое значение: уже в предыдущие десятилетия она редко оказывалась под властью одного императора и только два с половиной года ее возглавлял Феодосий I» [McEvoy, 2013. Р. 195].

В период правления сыновей Феодосия I империя существовала как некое двуединство. Об этом, в частности, говорит Фергюс Миллар: «При совершенно реальных и очень существенных притязаниях на единство Римской империи, реальность состояла в том, что существовали не две отдельные империи, но империи-близнецы, в одной из которых <...> обиходным языком подавляющего большинства населения был греческий» [Millar, 2006. Р. 2]. Речь идет опять-таки об административном делении, религиозно империя представляется единой.

На Западе последовательное правление нескольких малолетних императоров создает особую систему, при которой легитимному императору-ребенку отводится в основном церемониальная функция, между тем как истинное правление осуществляет кто-то другой. На Востоке эта модель прививается лишь отчасти [McEvoy, 2013. Р. 300–301].

В период правления сыновей Феодосия I отношения между Востоком и Западом оказываются обострены настолько, что император Аркадий, умирая и оставляя своим наследником семилетнего сына Феодосия II, готов поручить опеку над ним не брату, а персидскому царю Йездигерду. Однако после смерти Аркадия, и Гонорий, и Стилихон выражают желание идти на Восток, якобы ради помощи осиротевшему Феодосию II [Jones, Martindale, 1971. Р. 187]. Возможно, здесь лежит завязка конфликта, погубившего Стилихона. Настроения на Западе и выступления готов под предводительством Алариха помешали осуществлению этого плана.

Ф. Миллар видит существенное изменение, наступившее после «разделения 395 г.» в том, что если Феодосий I сам возглавлял войско и свободно передвигался между Востоком и Западом, то сыновья его лично не покидают границ своих частей империи [Millar, 2006. Р. 9]. Однако причины изменения поведения императоров скорее связаны не с «разделением империи», а с тем, что императорам-детям отводится в большей степени церемониальная роль [McEvoy, 2013. Р. 188], которую они, и повзрослев, начинают воспринимать как единственно возможную. Не исключено, что причиной изменения роли императоров оказывается не изменение политического статуса, а всего лишь акцидентальные, случайные причины: слабое здоровье сыновей Феодосия. Оба они, как и он, умерли от водянки, но в более молодом возрасте: Аркадий в 31 год, Гонорий в 39 лет.

Однако военная помощь одной части империи другой по-прежнему оказывается. Так, в 409 г., во время угрозы со стороны готов, восточное правительство посылает в Равенну подкрепление из 4 000 солдат, в чем видится осуществление принципа единства империи [Ibid. Р. 195].

Между тем на Западе продолжают существовать разнообразные комбинации династических браков. Стилихон был женат на племяннице Феодосия I, Серене и уже этим прикреплен к его династии. Кроме того, совершается две попытки связать династическим браком Гонория, который

последовательно женится на двух дочерях Стилихона: Марии, а после ее смерти – Ферманции [Jones, Martindale, 1971. P. 443]. Династический брак предлагается и Галле Плацидии: она становится невестой сына Стилихона, Евхерия, однако после этого Стилихон попадает в опалу и погибает вместе со всей семьей.

В последующем хаосе варварских нашествий интересна линия молодой Галлы Плацидии, которая, ввиду бездетности брата, последовательно борется за право на престол для себя и своего потомства. Захваченная в плен Атаульфом, преемником Алариха, она становится его женой и внушает ему имперские амбиции: свадьба совершается по римскому обряду, а родившегося сына называют Феодосием, что также указывает на проримскую ориентацию его родителей. Но младенец умирает, а вскоре гибнет и Атаульф [Ibid. P. 888–889].

Через несколько лет заключается династический брак Галлы Плацидии с Констанцием, успешным полководцем, после гибели Стилихона игравшим ведущую роль при бездейтельном Гонории. «Галла Плацидия была слишком опасным брачным призом, чтобы оставить ее потенциальному сопернику» [McEvoy, 2013. P. 214]. В 417 или 418 г. у них родилась дочь Гонория, а в 419 г. – сын Валентиниан III. В 421 г. Констанций был провозглашен августом, а Плацидия – августой. Однако скорая смерть Констанция разрушила планы на его царствование [Martindale, 1980. P. 324], а между Гонорием и Галлой Плацидией впоследствии произошел разрыв, в результате которого она была лишена титула августы и изгнана из Равенны.

Вместе с детьми Галла Плацидия ищет прибежища в Константинополе у восточного императора Феодосия II, точно так же, как ее бабка Юстина искала защиты у Феодосия I.

На момент смерти Гонория (в августе 423 г.) восточное правительство внимательно следит за ситуацией на Западе. Власть захватывает секретарь Гонория Иоанн, но Феодосий II некоторое время выжидает, не предпринимая никаких решительных мер. Он мог либо признать Иоанна, тем самым содействуя разделению империи, либо объявить единственным правителем себя, подчеркивая ее единство, но он, в конце концов, избрал средний путь: поставил императором малолетнего Валентиниана III, обручив его со своей дочерью-младенцем Евдоксией. Историк Олимпиодор, который, видимо, по заказу Феодосия II, примерно в это время пишет историю Западной империи последних десятилетий, заканчивает свой труд «гимном триумфу объединения Востока и Запада» [Potter, 2010. P. 31], т. е. описанием коронации Валентиниана III в Риме. В своем повествовании он не делит «римлян» на западных и восточных, считая их единым народом [Ibid. P. 14].

Феодосий II сохраняет патерналистское отношение к Валентиниану III до конца жизни. В качестве основы будущего единства империи собирается свод законов, Кодекс Феодосия, который включает законы, изданные как на Востоке, так и на Западе. Таким образом, Феодосий II качественно меняет представление об основах власти императора. Император более не воин, а законодатель, он опирается не на армию, а на сенат и консисторий [McEvoy, 2013. P. 305].

Несмотря на регентство Галлы Плацидии, на Западе при Валентиниане III возникает фигура могущественного военного лидера Аэция. Однако покровительство со стороны Феодосия II не дает его влиянию стать определяющим.

В период правления Феодосия II определенно преобладают центростремительные силы. Брак Валентиниана III и Евдоксии заключается 21 октября 437 г. Если бы в этом браке родился сын, он мог бы претендовать на власть в обеих частях империи [Ibid. P. 256]. Помимо династического брака и собирания свода законов ради обеспечения единства империи Феодосий II прилагает и иные усилия. Западу неоднократно оказывается военная помощь. Для обеспечения единства веры восточный император дважды созывает Вселенские соборы: I Эфесский в 431 г. и II Эфесский в 449 г. Хотя последний не был признан последующим православием и вошел

в историю как «Разбойничий», причиной тому в значительной мере были политическая борьба и нарастание центробежных настроений, в силу многих причин усилившихся к концу 440-х гг. Впрочем, постепенно сам Валентиниан III начинает противодействовать этому покровительству тестя, возможно, под влиянием папы Льва I вдохновившись идеей духовного главенства Рима. С этим связаны обращения к Феodosию западной половины императорской семьи с призывом пересмотреть решения II Эфесского собора и созвать новый собор в Италии под председательством папы [Acta Conciliorum Oecumenicorum, 1932. P. 5–7].

Неудача Феодосия II в новом объединении империи во многом объясняется опять-таки всего лишь акцидентальными причинами: отсутствием как у него, так и у Валентиниана III, сыновей. Между тем говорить об отсутствии у Феодосия II легитимного наследника нельзя: таковым являлся сам Валентиниан III. Легитимное преемство империи могло быть обеспечено по женской линии, поскольку у Валентиниана III были две дочери. Трагическая гибель Феодосия II вновь дала перевес центробежным силам. Переход власти от Феодосия II к его сестре Пульхерии и избранному ею в мужья доместику Маркиану был, по сути, узурпацией. По закону провозгласить Маркиана августом должен был Валентиниан III, но поставление нового императора совершилось без его ведома [Burgess, 1993–1994. P. 65]. Валентиниан III не признавал Маркиана законным императором, издавал законы, не упоминая его имени, не признавал также избранных им консулов, во всяком случае, в 451–452 гг. Теоретически можно было ожидать, что Валентиниан III предпримет поход на Восток с целью устранения узурпатора [Burgess, 1993–1994. P. 63].

Созыв Пульхерией и Маркианом нового Вселенского собора в Халкидоне, видимо, был в значительной мере политическим маневром, направленным на удержание власти, поскольку на нем жесткими административными методами утверждались решения, удобные папе Римскому Льву Великому, и был низложен архиепископ Александрийский Диоскор, порвавший с папой Римским и тем самым выказавший неповиновение новой императорской власти.

Хотя Вселенские соборы со времен Константина воспринимались как акт объединения империи, Халкидонский собор и последующая жесткая политика Маркиана в отношении антихалкидонитов привели не только к расколу на Востоке, не изжитому до наших дней, но и заложили основу для последующего вероучительного разделения Востока и Запада. Поскольку халкидонская позиция в итоге возобладала, узурпации власти Маркианом последующие халкидониты предпочитали не замечать, и его восшествие на престол приписывалось якобы уже существующему разделению, при котором Валентиниан III должен был довольствоваться Западной империей, а также исключительной роли в правлении времен Феодосия, которая отводилась последующими историками его сестре Пульхерии.

В последующие годы события развивались драматично. Считается, что старшая дочь Валентиниана III Евдокия была помолвлена с сыном короля вандалов и помолвка состоялась в 442 г. при заключении мира между захватившими Африку вандалами и Римом. Однако реальность этой помолвки вызывает много вопросов. Как бы то ни было, Евдокия, родившаяся в 438–439 г., достигла брачного возраста еще при жизни Валентиниана III, но замуж выдана не была. В начале 450-х гг. заключаются и срываются две помолвки младшей дочери Валентиниана Плацидии: сначала с Майорианом, потом с сыном Аэция, Гауденцием [McEvoy, 2013. P. 291]. По-видимому, предполагается, что муж Плацидии займет престол на Западе. Но в таком случае непонятно, почему младшей дочери готовится более высокая участь, чем старшей.

Евдокия была способна к деторождению, поскольку впоследствии родила Гунериху сына Хильдериха, и историки не сообщают о какой-либо неполноценности, которая ставила бы ее ниже сестры. Вывод напрашивается сам собой: старшей дочери Валентиниана, Евдокии, названной так в честь бабки, жены Феодосия II, в сложившейся ситуации была уготована роль

восточной императрицы, хотя, вероятно, окончательный кандидат ей в мужа еще не был найден.

Тем не менее планам Валентиниана III не было суждено осуществиться. В 454 г. император, стремясь освободиться от давления Аэция, собственноручно убил его, а через полгода был убит сам [McEvoy, 2013. Р. 296]. Его убийца, сенатор Петроний Максим, возможно, принадлежавший к числу сторонников Аэция, для легитимизации собственной власти женился на вдове Валентиниана, Евдоксии, которая хотела, чтобы императором стал Майориан [Martindale, 1980. Р. 411]. Старшая царевна Евдокия, предположительно, была выдана замуж за Палладия, сына Петрония Максима, а младшая Платидия помолвлена с Олибрием, возможно, также приходившимся родственником узурпатору [Ibid. Р. 751, 796]. Правление Петрония Максима продлилось всего два месяца, после чего Рим был захвачен вандалами, которые увели в плен царицу и обеих царевен.

Согласно легенде, вандалов призвала сама Евдоксия [Ibid. Р. 411], но в данной ситуации видно, что выиграли от этого совсем другие люди. Если Галла Платидия была, говоря приведенными выше словами МакЭвой, «слишком опасным брачным призом», то присутствие в Риме трех женщин императорской фамилии усиливало эту опасность втрое. Вероятно, нейтрализация их у вандалов была выгодна неким силам, оказавшимся у власти, в том числе восточным императорам-узурпаторам: Маркиану, а затем и Льву, каждый из которых собирался основать собственную династию.

После гибели Петрония Максима власть достается полководцу Авиту, но его не принимают ни сенат, ни римляне. В результате Авит оказался свергнут Майорианом.

Майориан, прежде помолвленный с Платидией, видимо, представлялся имеющим больше прав на престол. Он провозглашается императором в Равенне по воле императора Востока Льва I, о чем сообщает Марцеллин Комит [Ibid. Р. 702–703] (сам Лев был возведен на престол Аспаром и Ардаврием, которые возвысили и Маркиана). Майориан погиб в результате неудачного похода против вандалов (возможно, одной из его целей было и освобождение Платидии, брак с которой упрочил бы положение Майориана).

Следующий император, Либий Север, был возведен на трон полководцем Рицимером, погубившим Майориана. Лев I, который фактически и сам являлся узурпатором, его не признал, но после смерти Либия Севера престол на Западе занял Анфемий, зять покойного императора Востока Маркиана.

Маркиан, женившийся на пятидесятилетней Пульхерии, имел дочь от первого брака Маркию Евфимию и попытался учредить собственную династию. Евфимия была выдана за Анфемия, представителя могущественного константинопольского рода, к которому принадлежал и префект претория Анфемий, стоявший у власти во времена детства Феодосия II. Но назначить Анфемия преемником Маркиан не успел (ходили слухи, что он был отравлен Аспаром и Ардаврием, которые и возвели его на престол).

Однако Анфемий посредством брака с Евфимией оказался косвенно присоединен к династии Феодосия I, что, по-видимому, обеспечило ему легитимность.

При Анфемии влияние на Западе сохранял полководец Рицимер. В отношениях с ним был вновь использован династический брак: Рицимер женился на дочери Анфемия. Однако между тестем и зятем все равно началась вражда. Тогда Лев I отправил в Италию Олибрию. Олибрий, бежавший из Рима в Константинополь еще в 455 г., был женат на вернувшейся из плена Платидии, с которой прежде был обручен. Вероятно, Лев I опасался его как возможного конкурента и вполне законного претендента на престол и хотел устранить его руками Анфемия. Но получилось наоборот: Анфемий погиб, а Олибрий занял престол. Правление его продолжалось несколько месяцев, затем он умер от чумы [Ibid. Р. 797].

После смерти Олибрия полководец Гундобад возвел на престол императора Глицерия [Ibid. P. 514], но Лев I не признал его вместо него послал в Италию Юлия Непота, который был женат на родственнице императрицы Верины. Непота сверг военачальник Орест, поставивший на престол своего малолетнего сына Ромула Августа, который и оказался последним императором Рима [Ibid. P. 777, 811–812].

Лев I по вероисповеданию был халкидонитом, поэтому для него были естественны попытки консолидации с Западом. В его попытках регулировать и легитимизировать избрание императоров Запады сказываются центростремительные тенденции. В это же время дают о себе знать последствия халкидонского разделения. Попытки следующих императоров Зенона и Анастасия достичь согласия на Востоке вызывают раскол с Западом («акакианскую схизму») [Мейендорф, 2012. С. 216]. Образование варварских королевств, сначала под властью Одоакра, затем – Теодориха, хотя и усугубляло разделение, тем не менее, по-видимому, воспринималось римлянами / ромеями как состояние временное и преходящее. Низложение малолетнего Ромула Августа Одоакром современники не воспринимали как конец империи; оно производило на них гораздо меньшее впечатление, чем ранее взятие Рима Аларихом [Там же. С. 175]. Даже при варварских королях сохранялся сенат и существовала про-византийская партия – с чем, в частности, были связаны репрессии Теодориха, жертвой которых пал Боэций.

Юстиниан, пытавшийся вернуть империи прежний статус в прежних границах, как в законодательной деятельности, так и в военных экспедициях на Запад, следовал примеру Феодосия I и Феодосия II, а неизменный статус «разделенной, но единой» империи внушал вполне закономерные надежды на успех.

Таким образом, в конце IV – V в. статус империи, в сущности, не меняется по сравнению с положением дел при Константине: по-прежнему объединяющим началом является христианская идеология, хотя разделения и в первую очередь борьба за власть среди самих христиан препятствуют единству; почти не меняется политическая структура двух частей империи, которые воспринимаются, по крайней мере, как сообщающиеся сосуды. Средствами поддержания единства остаются династические браки, церковные соборы и военная взаимопомощь. Между тем продолжающиеся нашествия варваров способствуют усугублению языковой и культурной разобщенности, а также появлению новых государственных образований. Тем не менее мифологизированная идеология «христианского римского мира» переживает и эти века, оставаясь неизменной и воскресая при любом удобном случае и в новых формах правления.

Список литературы / References

- Горбулич И. С.** Династический брак как политическое орудие в карьере Помпея Великого // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2006. Вып. 5. С. 287–297.
- Gorbulich I. S.** Dinasticheskii brak kak politicheskoe orudie v kar'ere Pompeya Velikogo [Dynastic Marriage as a Political Instrument during the Career of Pompeius Magnus]. In: Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Ancient World History Studies and Publications]. St. Petersburg, 2006, vol. 5, p. 287–297. (in Russ.)
- Мейендорф И.**, протопресв. Единство империи и разделения христиан. Церковь в 450–680 годах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 550 с.
- Meiendorf I.** Edinstvo imperii i razdeleniya khristian. Tserkov' v 450–680 godakh [Imperial Unity and Christian Divisions. The Church in 450–680 AD]. Moscow, PSTGU, 2012, 550 p. (in Russ.)
- Barnes T.** Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. 254 p.

- Burgess R. W.** The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic. *Byzantinische Zeitschrift*. 1993–1994, Bd. 86/87, S. 46–68.
- Cameron A.** The Last Pagans of Rome. Oxford, Oxford Uni. Press, 2011, 880 p.
- Dihle A.** Die Griechische und Lateinische Literatur der Kaiserzeit. Von Augustus bis Justinien. München, C. H. Beck, 1989, 651 S.
- Inglebert H.** Late Antique Conceptions of Late Antiquity. In: The Oxford Handbook of Late Antiquity. Oxford, 2012. P. 3–30.
- Jones A. H. M., Martindale J. R.** The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1971, vol. 1: A. D. 260–395, 1152 p.
- Kaldellis A.** The Byzantine Republic. People and Power in New Rome. Harvard, Harvard Uni. Press, 2015, 290 p.
- Martindale J. R.** The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1980, vol. 2: A. D. 395–527, 1342 p.
- McEvoy M.** Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455. Oxford, Oxford Uni. Press, 2013, 368 p.
- McLynn N.** Ambrose of Milan. Church and Court in a Christian Capital. Berkeley, Los Angeles, Uni. of California Press, 1994, 270 p.
- Millar F.** Greek Roman Empire. Power and Belief under Theodosius II (408–450). Berkeley, Los Angeles, London, Uni. of California Press, 2006, 274 p.
- Münzer F.** Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, J. B. Metzler, 1920, 460 S.
- Potter D.** The Unity of the Roman Empire. In: From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture. 284–450 CE. Cambridge, New York, 2010, p. 15–32.

Список источников / Sources

- Acta Conciliorum Oecumenicorum. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1932, T. 2, Vol. 1, Pars. 1, 196 p.
- Socr. Hist. eccl. – *Socrates Scholasticus*. Kirchengeschichte. Berlin, Akademie Verlag, 1995, 501 p.
- Zos. Hist. nov. – *Zosime*. Histoire nouvelle. Paris, Les Belles Lettres, 1971–1989, t. 1–3, 264 + 503 + 352 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
21.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

- Александрова Татьяна Львовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Лихов пер., д. 5, стр. 1, Москва, 127051, Россия, tatianaalexandrova@yandex.ru)
- Tatyana L. Aleksandrova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Ancient Languages and Ancient Christian Scripts, Faculty of Theology, St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University (Likhov All., 5, build. 1, Moscow, 127051, Russian Federation, tatianaalexandrova@yandex.ru)